

МАРИАННА

Цикл романов
Ж. Бенцони о любви

JULIETTE
BENZONI

MARIANNE
et l'inconnu de Toscane

Читайте в серии

**МАРИАННА, ИЛИ ЗВЕЗДА
ДЛЯ НАПОЛЕОНА**

**МАРИАННА, ИЛИ ФАВОРИТКА
ИМПЕРАТОРА**

ЖЮЛЬЕТТА
БЕНЦОНИ

МАРИАННА,

или
Фаворитка императора

Москва
2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Б46

Juliette Benzoni
MARIANNE ET L'INCONNU DE TOSCANE
© Juliette Benzoni, Marianne et l'inconnu de Toscane, 1969.
Tous droits réservés

Перевод с английского А. Кабалкина
Художественное оформление П. Петрова

Бенцони, Жюльетта.

Б46 Марианна, или Фаворитка императора / Жюльетта Бенцони ; [пер. с фр. А. Кабалкина]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Марианна. Цикл романов Ж. Бенцони о любви).

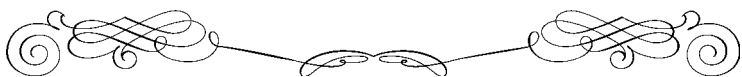
ISBN 978-5-699-87863-5

В жизни Марианны, так и не пришедшей в себя после романа с Наполеоном, наступает темная полоса. Кто тот человек в синем, оказавшийся в театральной ложе в день ее триумфа? Неужели Франсис Кранмер, недостойный супруг, которого, как ей казалось, она убила за свое бесчестье, когда он в день свадьбы проиграл ее в вист? А тут еще и адские муки ревности из-за скорой женитьбы императора! Лишь новая любовь могла бы вырвать ее из пут мучительного прошлого.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-87863-8

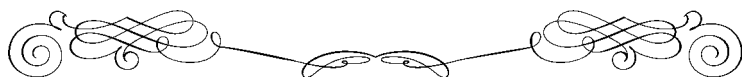
© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

После волнительных дней, когда Марианна познала любовь Наполеона, наступили безрадостные времена. Ей не дает покоя человек в синем, мелькнувший в ложе театра «Фейдо» в вечер триумфального выступления: кто он — призрак или настоящий Френсис Кренмер, подлый муж, якобы убитый ею на дуэли? Марианна думала, что отомстила за позор, на который он собирался ее обречь, проиграв в вист в брачную ночь, но так ли это на самом деле? Приближающаяся женитьба императора также причиняет ей муки ревности... В одночасье мир становится для нее клеткой, грозящей новыми опасностями, одна из которых порождена памятью о прошлом. Существует человек, способный ее спасти, — но кто он, этот Незнакомец из Тосканы?

И что за страшная тайна прячется за величественными стенами его тосканского дворца, в его загадочных садах? Сумеет ли он вырвать Марианну из лап ополчившейся на нее судьбы или спасение — любовь, что озарит наконец всю ее жизнь, — придет из еще более туманного далека?

Часть первая

Мужской закон

Глава 1

Свидание в Фоли

Наполеон внезапно перестал расхаживать по комнате и остановился перед Марианной. Пытавшаяся согреться в глубоком кресле напротив камина, она облегченно перевела дух. Как ни толст был ковер, нескончаемое движение императора взад-вперед действовало ей на нервы и болезненно отдавалось в голове. Вечер был настолько накален сильными переживаниями, что Марианна чувствовала себя совершенно обессиленной и была даже благодарна чудовищной головной боли — свидетельству того, что она еще жива. За волнением и страхом первого выступления на сцене театра «Фейдо» последовало необъяснимое появление в литерной ложе человека, которого в свое время она убила собственной рукой, а потом его столь же необъяснимое исчезновение. Такого не выдержал бы и куда более выносливый организм!

И все же, превозмогая себя, она открыла глаза и увидела, что Наполеон смотрит на нее взволнованно, сцепив руки за спиной. Что это на самом деле застыло в его глазах — сочувствие или простое недовольство? В ковре неброской расцветки, под каблуком его изящной туфли с серебряной пряжкой уже зияла дыра, трепет его тонких ноздрей и стальной блеск голубых глаз свидетельствовали о нарастающем раздражении.

Марианна невольно задалась вопросом: возлюбленный ли перед ней, император или судья? Примчался, как ураган, десять минут назад, но еще почти ничего не сказал, хотя она уже догадывалась, о чем будут его вопросы. Тишина в комнате, только что такой мирной и надежной, — сине-зеленый муар, радужная россыпь цветов, прозрачный хрусталь, — вдруг сделалась опасно хрупкой. Он не преминул раздавить ее сухим щелчком своего вопроса:

— Ты уверена, что это не было галлюцинацией?

— Галлюцинация?..

— Именно! Перед тобой мог мелькнуть некто, похожий на... на *того* человека, но совсем не обязательно *он* сам. Было бы странно, если бы английский аристократ свободно разгуливал сейчас по Франции, посещал театры, даже сунулся в ложу к самому принцу-архиканцлеру, при этом оставшись никем не замеченным! Моя полиция — лучшая во всей Европе!

Как ни велики были ее страх и изнеможение, она не удержалась от улыбки. Она не ошиблась: недовольство Наполеона пересилило участие, и все из-за амбиций — не дай бог, его хваленая полиция будет посрамлена! А ведь только Всевышнему было ведомо, сколько чужестранных шпионов безнаказанно шныряли в этот самый момент по его прекрасной Франции! Соблазн открыть ему глаза был очень велик, но Марианна вовремя одумалась: не хватало только снова заполучить врага в лице всемогущего Фуше!

— Государь, — молвила она с покорной улыбкой, — мне не хуже, а может, даже лучше вашего известно, до чего бдителен ваш министр полиции. У меня и в мыслях нет в чем-то его упрекать. Однако мне совершенно ясно одно: человек, которого я видела, — это Френсис Кренмер собственной персоной!

Наполеон сделал нетерпеливый жест, но уже в следующее мгновение овладел собой, устроился у Марианны в ногах и сладким голосом осведомился:

— Откуда такая уверенность? Ты сама мне говорила, что едва знала этого человека.

— Лицо того, кто погубил вашу жизнь вместе с вашими воспоминаниями, забыть невозможно. А главное, на левой щеке человека, которого я увидела, красовался длинный шрам, которого в утро нашей с ним свадьбы еще не существовало.

— Что же доказывает этот шрам?

— То, что его оставила я — кончиком шпаги, побуждая мужа принять бой! — тихо отозвалась Марианна. — Я не верю в случайное сходство, доходящее до воспроизведения раны, знакомой мне одной. Нет, это, бесспорно, он, а это означает, что мне грозит опасность.

Наполеон рассмеялся и жестом, полным нежной непосредственности, заключил Марианну в объятия.

— Что за глупости ты болтаешь, *miu dolce amor*?¹ Какие опасности, когда я тебя люблю? Разве я не император? Или ты забыла о моем могуществе?

Тревога, только что сжимавшая сердце Марианны, мигом улетучилась. Ее охватило восхитительное чувство безопасности, надежной защиты, которое мог подарить ей только он. Он был прав, говоря, что с ним ей ничего не угрожает. Но ведь он собирается ее покинуть... В по-детски искреннем порыве она прильнула к его плечу.

— Я доверяю только вам... тебе. Но ты вот-вот со мной расстанешься — уедешь из Парижа, далеко от меня...

У нее еще теплилась надежда, что он позовет ее с собой. Почему бы и ей не податься в Компьень? Ко-

---

¹ Моя любовь (*ит.*).

нечно, до прибытия новой императрицы остаются считанные дни, но почему бы ему не спрятать Марианну где-нибудь в городе, в каком-нибудь доме, не примыкающем к дворцу, но и не слишком от него удаленном? Она уже была готова сказать об этом своем желании вслух, но он, уложив ее на подушки и бросив взгляд на бронзовые часы на стене, поднялся.

— Мое отсутствие будет недолгим. А главное, возвратившись во дворец, я вызову Фуше. Он получит самые суровые приказания касательно этого дома. Так или иначе ему придется перевернуть Париж вверх дном, чтобы отыскать Кренмера. Изволь завтра утром снабдить Фуше точным описанием этого субъекта.

— Герцогиня Бассано говорит, что в тот момент в ее ложе находился некий виконт д'Обекур, фламандец. Возможно, Френсис скрывается под этим именем.

— Пусть тогда ищут виконта д'Обекура! Я потребую от Фуше подробного доклада. Не тревожся, *carissima mia*¹, я буду заботиться о тебе даже издалека. А теперь мне придется с тобой разлучиться.

— Уже? Неужели ты не можешь подарить мне хотя бы эту ночь?

Едва эти слова слетели с ее губ, Марианна упрекнула себя за свою мольбу. Раз он так торопится ее покинуть, то к чему унижаться, к чему умолять? Разве он недостаточно уверен в себе и в ней? При этом демонны ревности рвали сердце Марианны на куски. Ведь Наполеон, простившись с ней, помчится навстречу к другой женщине! Со слезами на глазах Марианна смотрела, как Наполеон подходит к креслу, на которое, войдя, бросил свой серый сюртук. Только одевшись, он взглянул на нее и ответил:

---

¹ Дорогая моя (*ит.*).

— Я надеялся, что так и будет, Марианна. Но, вернувшись из театра, нашел кучу депеш, на которые должен ответить перед отъездом. Знаешь ли ты, что, направляясь сюда, я оставил в своей приемной шестерых посетителей?

— В такой поздний час? — спросила Марианна недоверчиво.

Он быстро вернулся к ней и проворным жестом схватил за ухо.

— Заруби себе на носу, малышка: люди, которых приходится официально принимать на дневных аудиенциях, не всегда самые важные. Ночами я принимаю посетителей гораздо чаще, чем ты воображаешь. А теперь прощай!

Он нагнулся, чтобы запечатлеть на ее губах легкий поцелуй, но Марианна оставила его без ответа. Соскользнув с кресла, она выпрямилась и взяла с туалетного столика канделябр.

— Я провожу ваше величество, — сказала она с немного преувеличенным почтением. — В этот час все слуги, за исключением привратника, давно спят.

Она уже распахнула дверь, чтобы выйти первой, но теперь он не спешил уходить.

— Посмотри на меня, Марианна! Как я погляжу, ты на меня сердишься?

— Как можно такое себе позволить, Государь! Я и так несказанно счастлива, что вы, ваше величество, соизволили уделить несколько минут вашего бесценного времени в столь важный час вашей жизни, чтобы вспомнить обо мне. Я всего лишь смиренная служанка вашего величества.

Она не довела до конца свой протокольный реверанс: Наполеон прервал его на половине, отнял у Марианны канделябр и поставил его на стол,

а ее саму заставил выпрямиться и крепко прижал к себе.

— Что такое? Ты устраиваешь мне сцену? — воскликнул он со смехом. — Тебе очень идет ревность, моя бесценная любовь! Я уже говорил тебе, что из тебя вышла бы отменная корсиканка. Боже, как ты красива в гневе! Твои глаза сверкают, как изумруды на солнце! Ты сгораешь от желания наговорить мне ужасных оскорблений, но ты не смеешь и оттого вся трепещешь. Чувствую, как ты дрожишь...

Говоря, он перестал смеяться. Марианна видела, как он бледнеет, как стискивает челюсти, и понимала, что его охватывает желание. Он вдруг припал лицом к ее шее, принялся осыпать быстрыми поцелуями ее плечи и грудь. Теперь дрожал он сам, а Марианна, стоя с запрокинутой головой и зажмуренными глазами, слушала отчаянное биение собственного сердца и наслаждалась его ласками. Ее охватила дикарская радость, сочетание гордости и любви — от осознания своей власти над ним. Наконец, он обхватил ее, потащил к огромной кровати и бесцеремонно опрокинул. Спустя несколько минут замечательное белое платье, шедевр Леруа, незадолго до того ослепившее весь Париж, полетело на пол и, похоже, превратилось там из прекрасного предмета туалета в бесполезную тряпку. Но и в объятьях Марианна на спускала глаз с муарового балдахина цвета морской волны у Наполеона над головой.

— Надеюсь, — прошептала она между двумя поцелуями, — что те, кто ждет вас в Тюильри, не слишком утомятся, а главное, что эти посетители не так уж важны...

— Это посланники русского царя и римского папы, юная дьяволица! Ты довольна?

Вместо ответа Марианна крепче обняла возлюбленного за шею и со счастливым вздохом закрыла глаза. Ради таких минут, как эта, она была готова тревожиться, разочаровываться, ревновать. Слыша, как сейчас, его страстные выкрики, Марианна набиралась уверенности. Невозможно было вообразить, чтобы австриячка по имени Мария-Луиза¹, которую он собрался уложить в свою постель вместо Жозефины, добилась от него такого же приступа любовного рвения. Без сомнения, она всего лишь глупая перепуганная гусыня, вверяющая свою душу Богу каждую минуту своего нынешнего путешествия, приближающего ее к лютому врагу ее страны. Наполеон мог быть для нее только чудовищем, Минотавром, презренным выскочкой, которого она окатит императорским презрением, если хотя бы немного похожа на свою тетку Марию-Антуанетту. Если же она и впрямь окажется, как шептались в салонах, вялой и безмозглой дурнушкой, то будет безвольно терпеть мужа.

Но когда спустя час Марианна увидела в окно вестибюля, как фореитор затворяет тяжелую дверь императорской дорожной кареты, к ней мигом вернулись все прежние страхи и неуверенность. Страшно ей было потому, что в следующий раз она увидит императора уже в статусе мужа эрцгерцогини, а неуверенность проистекала из того, что Френсис Кренмер — неважно, под каким именем он скрывается, — находился в Париже и был готов на все. Ищейки Фуше смогут оказать ей помощь только после того, как возь-

---

¹ Мария-Луиза Австрийская (1791—1847) — дочь Франца I Австрийского, вторая жена Наполеона. Эрцгерцогиня Австрии, герцогиня Пармы, Плесанса и Гуасталлы, ей суждено было стать императрицей французов и подарить Наполеону сына (*здесь и далее прим. ред., если не указано другое*).

мут его след. Но когда это произойдет — не слишком ли поздно? Париж так велик!

Ежась в поспешно накинутом кружевном халатике, Марианна снова вооружилась канделябром и поднялась к себе, испытывая неприятное чувство одиночества. Издали еще доносился шум колес кареты, увозившей Наполеона, — печальный контрапункт к его словам любви, еще звучавшим в ее ушах. При всей его нежности и при всей решительности его обещаний, Марианне хватало ума, чтобы понять, что в ее жизни перевернута важная страница и что, невзирая на силу любви, связывавшей ее с Наполеоном, впредь все окажется уже совсем не так, как раньше.

Вернувшись в свою комнату, Марианна вздрогнула от неожиданности: там ее ждала кухня. Завернувшись в малиновое бархатное одеяло, в берете поверх бигудей, мадемуазель Аделаида д'Ассельна, стоя посреди комнаты, с интересом, но без малейшего удивления вертела в руках кусочки разодранного белого платья, валявшегося на полу.

— Как, Аделаида, вы здесь?! — изумленно воскликнула Марианна. — Я думала, вы давно спите.

— Сплю, но очень чутко. К тому же что-то мне подсказало, что после *его* отъезда вам не помешает общество. Этот мужчина умеет уговаривать женщин! — И старая дева со вздохом уронила на пол кусочки испорченного перламутрового атласа. — Понимаю, почему вы от него без ума! Я сама по нему сохла, когда он был еще тщедушным недокормленным генералишкой. Позвольте поинтересоваться, как он отнесся к внезапному воскрешению вашего покойного супруга?

— Плохо, — бросила Марианна, роясь в разворошенной постели в поисках своей ночной рубашки, которую горничная Агата должна была разложить на

покрывале после возвращения госпожи из театра. — Он не уверен, что я не стала жертвой галлюцинации.

— Но это не галлюцинация?

— Какое там! С чего бы вдруг мне привиделся Френсис, о котором я и думать забыла, давно сочтя его мертвым? Увы, бедная моя Аделаида, сомнениям нет места: это самый настоящий Френсис... Представляете, он улыбался, глядя на меня, и от одной этой его улыбки меня охватил холодный ужас. Одному Богу известно, что меня ждет теперь!

— Поживем — увидим, — безмятежно молвила старая дева, направляясь к столику под кружевной скатертью, на котором Марианну дожидался холодный ужин: ни она, ни император к нему не притронулись.

Аделаида с завидным хладнокровием откупила бутылку шампанского, наполнила два фужера, лихо осушила один, снова налила его до краев, а другой протянула Марианне. После этого она устроилась с шампанским и с куриным крылышком на тарелке в ногах кровати, на которой растянулась ее кузина.

Марианна, утопая в подушках, приняла из ее рук бокал, глядя на нее со снисходительной улыбкой. У Аделаиды оказался невероятный аппетит. Количество пищи, которое могла проглотить в один присест эта маленькая хрупкая женщина, было воистину устрашающим. С раннего утра до позднего вечера Аделаида постоянно что-нибудь жевала, грызла, сосала, ее рот все время был чем-нибудь занят, что ничуть не мешало ей в урочный час с воодушевлением садиться за стол и приступать к очередной трапезе. При этом она совершенно не полнела и не теряла ни капельки присущего ей от природы достоинства.

Разумеется, причудливого седовласого существа, жившего в безумии и озлоблении и задумывавшего

спалить дом, которое Марианна обнаружила однажды поздним вечером у себя в гостиной, более не существовало. Оно уступило место достойной пожилой даме с неподражаемой прямой осанкой. Приодевшись, аккуратно укладывая теперь на голове свои седые локоны, длинные и шелковистые, неизменно выступавшие из-под кружевного чепца или бархатной шляпки, эта бывшая революционерка, которую раньше преследовала и держала под надзором полиция Фуше, снова превратилась в благородную мадемуазель Аделаиду д'Ассельна. Правда, сейчас ее опять было не узнать: сладко жмурясь, с трепещущими от чревоугодия ноздрями, она с видом лакомящейся кошки уписывала курицу, запивая ее шампанским. При всем своем нынешнем унынии Марианна, наблюдая за ней, не могла не улыбаться. Она подозревала, что в кухне еще жива прежняя заговорщица, что не мешало ей крепко любить Аделаиду.

Чтобы не препятствовать гастрономическому возрождению кухни, Марианна медленно прихлебывала из своего бокала, предоставляя той право разглагольствовать: она догадывалась, что старой деве есть, что сообщить. И действительно, тщательно обглодав куриное крылышко и допив шампанское, Аделаида вытерла губы, широко открыла глаза и с довольным видом уставилась на юную кухню.

— Дитя мое, — начала она, — полагаю, вы сейчас подходите к своей проблеме задом наперед. Если не ошибаюсь, нежданное воскрешение вашего почившего супруга повергло вас в бездну отчаяния. С той минуты вы живете в страхе: вдруг он снова вырастет перед вами? Я права?

— Все так и есть. Только не пойму, куда вы клоните, Аделаида. Не хотите же вы сказать, что мне следует